

Опыт воспитания биологического ребенка – ресурс или риск в процессе адаптации семей усыновителей?

Лахвич Ю.Ф.,
БГУ, Минск

Головнёва О.С.,
РИВШ, Минск

В статье представлены результаты эмпирического исследования процесса социально-психологической адаптации детей и родителей в семьях усыновителей, имеющих опыт воспитания биологического ребёнка. Выявлены специфические трудности в ходе адаптационного процесса, характеризующие семьи данного типа. Полученные данные имеют практическое значение для специалистов службы социально-психологического сопровождения семей усыновителей.

Усыновление, семья усыновителей, социально-психологическая адаптация детей и родителей.

The article presents the results of an empirical study of the socio-psychological adjustment process of children and parents in adoptive families with the experience in raising a biological child. Specific difficulties characterizing families of this type are revealed in the course of the adjustment process. The obtained data are of practical importance for specialists of the social and psychological support service of adoptive families.

Adoption, adoptive family, socio-psychological adjustment of parents and children.

Приём ребёнка-сироты в семью – сложный и многомерный процесс, включающий решение правовых, демографических, социально-бытовых, психологических, педагогических и иных задач. Фактом размещения ребёнка в семье этот процесс не завершается, а во многом – только начинается. Речь идёт, в частности, о социально-психологической адаптации усыновлённого ребёнка и родителей-усыновителей, которая заключается в формировании их эмоциональной привязанности друг к другу, и далее, на основе этой привязанности, положительной идентификации тех и других в новой социальной роли.

Изучению процесса адаптации в замещающих семьях (включающих усыновительские, наряду с иными формами семейного устройства) посвящено на сегодняшний день немало научных работ: Л.Н. Большакова [1], Ж.А. Захарова [2], Е.А. Лупекина [5], В.Н. Ослон [6], Н.А. Палиева [7], Н.Г. Рожкова [8], Е.В. Серова [9], Г.Н. Соломатина [7], Т.К. Школьник [10], О.Г. Япарова [11]. Основной массив исследований проводился в группе профессиональных замещающих (приёмных) родителей, а усыновителей в их выборках либо не было, либо они не выделялись в отдельную категорию при обработке данных.

В контексте рассматриваемой нами темы необходимо отметить, что среди имеющихся работ лишь в единичных уделено внимание параметру «детности» замещающих родителей (то есть, наличию у них опыта воспитания детей на момент появления в семье приёмного ребёнка) как фактору, влияющему на характер адаптации в семье.

Так, В.Н. Ослон среди прочего затрагивает вопрос о том, каким образом изменяются детские подсистемы в процессе адаптации, как выстраиваются границы и взаимоотношения между ними. Однако остаётся неясным, имеются ли отличия в

адаптации родителей с опытом воспитания биологических детей, по сравнению с теми, кто такого опыта не имеет [6, с. 136-151].

О.Г. Япарова в своём диссертационном исследовании также не даёт однозначного ответа на вопрос о роли опыта биологического родительства в процессе реализации замещающего. Однако, основываясь на эмпирических данных своего исследования, она утверждает, что наличие опыта воспитания собственных детей до их совершеннолетия является одним из положительных факторов успешного родительства в отношении приёмных детей [11, с. 17].

Как видим, на сегодняшний день в русскоязычной литературе нет достаточно обоснованного понимания вопроса о влиянии на адаптацию замещающих родителей имеющегося у них опыта воспитания биологических детей. Применительно к семьям усыновителей, отличающихся уникальным социально-психологическим статусом, приходится констатировать практически полное отсутствие эмпирических исследований по проблеме адаптации. Тем более отсутствуют работы, посвящённые специфике адаптации в семьях, имеющих или не имеющих биологического ребёнка.

Вместе с тем, на сегодняшний день среднестатистический “портрет” усыновителя не предполагает однозначного ответа о его бездетности на момент усыновления – к усыновлению всё чаще приходят не только бездетные (бесплодные) пары, но и люди, имеющие своих биологических детей, и те, кто воспитывает уже приёмных или усыновлённых детей. По данным нашего исследования белорусских семей, усыновивших ребенка в период с 1996 по 2013 год, примерно треть (31%) на момент усыновления уже имели опыт воспитания ребёнка [3]. В связи с этим понимание специфики адаптационных процессов в семьях с различным статусом “детности” является актуальным для их социально-психологического сопровождения.

Учитывая большую степень разработанности этой темы в американской и европейской теории и практике семейного устройства детей-сирот, стоит обратиться к опыту зарубежных коллег. Имеются немногочисленные, но достаточно основательные англоязычные работы в данной области. В них, однако, также не даётся однозначного ответа о роли опыта воспитания биологических детей в процессе адаптации.

Так, один из ведущих современных исследователей проблематики усыновления, автор модели психосоциальной адаптации к усыновлению, американский психолог D.M. Brodzinsky среди прочих факторов адаптации к усыновлению изучал и структуру семьи [12; 14]. Исходя из своего клинического и консультативного опыта автор заключает, что усыновители, имеющие до усыновления опыт воспитания биологического ребенка, чаще всего сталкиваются с чувствами родительской вины и тревоги. Эти негативные переживания связаны со следующими опасениями. Во-первых, родители боятся, что в связи с присутствием в семье биологического ребенка усыновленный ребенок может почувствовать еще большее неприятие и потерянность, уже имея предшествующий опыт отвержения. Во-вторых, усыновители считают, что будут склонны к компенсаторному стилю поведения, отдавая предпочтение либо биологическому, либо усыновленному ребенку. Вместе с тем, собственно эмпирическое исследование фактора структуры семьи в связи с процессом адаптации усыновлённых детей не позволило D.M. Brodzinsky говорить о его значимом влиянии [13].

Вообще анализ зарубежной литературы по рассматриваемой теме свидетельствует о существовании разных и порой противоречивых точек зрения относительно того, является ли присутствие биологического ребенка в семье усыновителей ресурсом или риском для адаптации к усыновлению. Так, классик в области психологии усыновления канадский исследователь H.D. Kirk полагал, что усыновители, имеющие биологического ребенка, в определенной степени вынуждены быть более открытыми и честными в вопросах, связанных с усыновлением, что в свою очередь приведет к более благоприятному протеканию адаптации детей и родителей в таких семьях [19]. В то же время, M. Humphrey [17] и A. M. McWhinnie [21] считают, что наличие в семье

усыновителей их биологического ребенка осложняет данный процесс. Полученные в дальнейших эмпирических исследованиях результаты также не дают возможность сделать однозначный вывод о влиянии опыта биологического родительства на адаптацию к усыновлению. В частности, в нескольких работах авторы пришли к выводу об отсутствии значимого влияния наличия в структуре семей усыновителей биологического ребенка (независимо о того, появился ли он до или после усыновления) на успешность адаптации усыновленных детей и родителей [13; 15; 18]. Стоит принимать в расчет, что в исследованиях D.M. Brodzinsky речь шла только об усыновлении детей в возрасте до 3 лет. В то же время в других исследованиях указывается на наличие большего количества проблем в плане психологической адаптации усыновленных детей в тех семьях усыновителей, где есть также и биологические дети [16; 20]. При этом в исследовании J. Kraus уточняется, что только случай, когда биологический ребенок появляется после усыновления, сопряжен с дополнительными психологическими проблемами в процессе адаптации усыновленных детей. В частности, автор выявил, что в семьях такого типа у усыновленных детей значительно чаще возникают проблемы со сном, пищевые и поведенческие расстройства [20]. Эти данные, как видим, расходятся с результатами D.M. Brodzinsky, свидетельствующими об отсутствии значимого влияния наличия в структуре семей усыновителей биологического ребенка (независимо о того, появился ли он до или после усыновления) на успешность адаптации усыновленных детей и родителей. При этом D.M. Brodzinsky уточняет: это не значит, что отсутствует и влияние на характер адаптации в семье усыновителей, так как тип семейной организации может влиять на то, как ребенок воспринимает опыт усыновления, что в свою очередь определит и характер адаптации. Присутствие в семье сиблингов, которые биологически связаны с родителями-усыновителями, может предрасполагать усыновленного ребенка к акцентированию внимания на уникальности его семейного статуса. Это в свою очередь может привести как к повышенному интересу, тревоге и вопросам по теме усыновления, так и к лучшему пониманию своего опыта усыновления [15, p. 219]. Автор заключает, что наличие в семье усыновителей биологического ребенка, «хотя часто и осложняет семейную динамику, как правило, все же не создает серьезных препятствий для успешной адаптации к усыновлению» [13, p. 74].

Еще в большей степени осложняет суть рассматриваемой проблемы исследование M. Ternau, выявившее даже лучшие параметры адаптации усыновленных детей в «смешанных» семьях усыновителей (где присутствуют и биологические и усыновленные дети) [22].

Следовательно, несмотря на наличие ряда зарубежных работ, рассматривающих роль структуры семьи в процессе адаптации к усыновлению, необходимы дальнейшие исследования в данной области. Во-первых, очевидно, что нет однозначных и непротиворечивых данных; во-вторых, имеющиеся исследования в основном концентрируют внимание только на адаптации усыновленных детей, не всегда включая в рассмотрение адаптацию родителей-усыновителей, а также иных членов семейной системы (других детей, например).

Интересные данные по рассматриваемому вопросу мы получили в ходе эмпирического исследования адаптации детей и родителей в 264 белорусских усыновительских семьях, проживающих по всей территории страны. Исследование проводилось в рамках выполнения задания по Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2011-2015 годы [3]. Для диагностики адаптации в семьях усыновителей использовались как специально разработанная анкета для усыновителей, так и комплекс психодиагностических методик для детей и родителей [4]. В результате были выявлены не только общие закономерности адаптационного процесса, но и обнаружена зависимость его протекания от типа семьи на момент усыновления.

В качестве наиболее общих закономерностей протекания адаптации семьи после усыновления следует отметить её двухуровневый характер, определяемый нами как первичная и вторичная социально-психологическая адаптация к усыновлению.

Под *первичной адаптацией* понимается период, длящийся два-три года после усыновления и связанный с процессом взаимного приспособления, привыкания семьи и ребёнка друг к другу, формированием привязанности, перестройкой моделей функционирования в новых условиях. *Вторичная адаптация* длится до взросления ребёнка (а возможно – и дольше) и связана с процессами идентификации семьи, осознанием и принятием всеми членами семьи своего специфического статуса по сравнению с нормативными (обычными) семьями, интеграцией, «встраиванием» опыта усыновления в общую структуру личности, внутрисемейных и более широких социальных отношений.

Вместе с указанными общими закономерностями было выявлено, что фактор наличия или отсутствия опыта воспитания детей у кандидатов в усыновители всё же во многом определяет характер дальнейшей адаптации в семье.

В нашем исследовании выделены следующие типы семей усыновителей, отличающиеся по параметру детности на момент усыновления: бездетные семьи, не имеющие опыта воспитания детей (65%); с опытом воспитания только биологических детей (15%); с опытом воспитания только приемных (усыновленных, опекаемых) – замещающие семьи (11%); с опытом воспитания и биологических, и приемных детей (5%); с опытом потери ребенка (4%).

В результате анализа эмпирических данных существенные различия были выявлены между группами семей, бездетных на момент усыновления, и тех, кто уже имел опыт воспитания детей. В общем виде можно констатировать, что бездетные семьи имеют ряд преимуществ в ходе первичной адаптации ребёнка и семьи друг к другу, особенно в сравнении с семьями, имеющими только биологических детей к моменту усыновления.

Остановимся подробнее на особенностях адаптации в семьях усыновителей, имеющих опыт воспитания биологических детей на момент усыновления. В большинстве своём это семьи, в которых на момент усыновления уже были дети, и усыновлённый ребёнок стал их братом или сестрой, интегрируясь в уже существующую детскую подсистему семьи.

Несмотря на имеющиеся у семей этого типа знания и опыт в вопросах воспитания детей вообще, в процессе их первичной адаптации к усыновлению выявлен ряд факторов риска. Это, очевидно, связано со спецификой и уникальностью опыта воспитания именно усыновленного ребенка (опыта родительства усыновителей).

Анализ протекания **первичной адаптации в семьях с биологическим ребенком** (детьми) на момент усыновления выявил наибольшие сложности у данных семей по сравнению с бездетными семьями и семьями с опытом замещающей семейной заботы на момент усыновления. Так, первичная адаптация семьи в целом ($V=0,215$; $p=0,016$), личная адаптация отцов ($V=0,259$; $p=0,009$) и усыновленного ребенка ($V=0,199$; $p=0,040$) протекает в рассматриваемых семьях медленнее, чем в остальных группах семей. Мать ($t=2,179$; $p=0,034$) и другие родственники ($U_{эмп}=2323, 5$; $p=0,000$) в них сложнее принимают ребенка, нежели в ранее бездетных семьях. Кроме этого, в таких семьях значимо чаще, чем в других отмечается первоначальное ухудшение эмоционального состояния у родителей ($\varphi_{эмп}=3,62$; $p<0,01$), а также увеличение числа конфликтов после усыновления ($\varphi_{эмп}=1,70$; $p<0,05$). При этом интересно проанализировать восприятие родителями из разных типов семей причин возникновения конфликтов в семье. Так, если в бездетных на момент усыновления семьях отцы считают, что конфликты возникают на почве столкновения интересов ($\varphi_{эмп}=2,50$; $p<0,01$), а матери говорят о проблемах в организации свободного времени ($\varphi_{эмп}=1,70$; $p<0,05$), то в семьях с биологическими детьми родители называют другие причины. В частности, как отцы, так и матери чаще в

таких семьях отмечают столкновения на почве непонимания усыновленными детьми требований взрослых ($V=0,204$; $p=0,025$; $\varphi_{\text{эмп}}=2,50$; $p<0,01$) и жалоб на их поведение ($V=0,214$; $p=0,017$; $\varphi_{\text{эмп}}=2,32$; $p<0,01$). Помимо этого, отцы с опытом воспитания биологического ребенка указывают также и на конфликты в связи с плохой школьной успеваемостью усыновленных детей ($V=0,203$; $p=0,026$).

Из позитивных аспектов, связанных со спецификой первичной адаптации в семьях с биологическими детьми можно отметить только то, что отцы в этой группе семей по сравнению с отцами из семей с опытом замещающей заботы значительно чаще (46% против 27%) фиксируют благотворное влияние усыновления на их карьеру и профессиональную самореализацию ($\varphi_{\text{эмп}}=1,661$; $p<0,05$).

Рассмотрим теперь **вторичную адаптацию к усыновлению в семьях усыновителей с опытом биологического родительства**, успешность которой требует эмоционально близких, доверительных отношений между членами семьи, готовности открыто обсуждать трудные вопросы, связанные с опытом усыновления.

В целом, судя по ответам родителей из семей усыновителей с биологическими детьми, можно сказать, что внутрисемейные отношения в них складываются хорошо. Практически все матери и отцы отмечают, что у них сложились «очень теплые и близкие» (70% у матерей и отцов) или «в целом теплые и близкие» (20% у матерей и 30% у отцов) отношения с усыновленным ребенком. Большинство родителей говорят, что они всегда (54% и 47% для матерей и отцов соответственно) или как правило (30% и 42% для матерей и отцов соответственно) понимают усыновленного ребенка. Однако, отцам, имеющим биологических детей, по-видимому, все же сложнее установить доверительные отношения с усыновленными детьми ($V=0,197$; $p=0,014$). Только в группе семей с опытом воспитания биологического ребенка присутствовало 8,3% ответов отцов о том, что с усыновленным ребенком, скорее, не были установлены доверительные отношения.

Для более объективного изучения характера детско-родительских отношений изучалась привязанность усыновленных детей младшего школьного возраста к матери с помощью опросника Е.В. Пупыревой. В семьях с биологическими детьми на момент усыновления по сравнению с бездетными семьями выявлены более низкие показатели по шкале совместной деятельности с матерью ($U_{\text{эмп}}=12,0$; $p=0,043$). Следует подчеркнуть, что эти данные получены на основе оценок характера взаимодействия с матерью, данных самими детьми.

Отношения в детской подсистеме складываются в целом благополучно. В большинстве случаев по оценкам родителей между биологическими и усыновленными детьми складываются теплые и близкие отношения. Вместе с тем, значительная доля матерей (33%) фиксирует, что биологические и усыновленные дети «соревнуются за родительское внимание, конкурируют».

Оценивая себя в качестве усыновителя, именно матери-усыновительницы с биологическим ребенком дают самые низкие оценки, наиболее критично воспринимают себя в этой социальной роли ($V=0,507$; $p=0,000$).

Еще одним важным параметром, определяющим характер вторичной адаптации к усыновлению, является отношение родителей-усыновителей к предшествующему опыту ребенка, его биологическим корням, а также готовность к открытому разговору об этом.

С одной стороны, как показало исследование, среди усыновителей, имеющих биологического ребенка, по сравнению с бездетными на момент усыновления семьями изначально было больше тех, кто настроен на открытый разговор с ребенком на тему усыновления ($\varphi_{\text{эмп}}=2,74$; $p<0,01$). Так, 74% усыновителей из данной категории семей планировали не сохранять тайну усыновления (47% в бездетных семьях). В реальности же только 50% всех семей с биологическими детьми не скрывают от ребенка факт его усыновления, тогда как бездетные на момент усыновления родители склонны в подавляющем большинстве случаев (79% женщин и 82% мужчин) к сохранению тайны.

С другой стороны, примечательно и то, что по данным исследования, среди усыновителей с опытом воспитания биологического ребёнка значимо чаще, чем среди усыновителей, имеющих опыт замещающей семейной заботы, встречается более резкое негативное отношение к биологическим родителям ребёнка ($\varphi_{\text{эмп}} = 1,84$; $p < 0,05$). Так, именно в этой подгруппе каждый четвертый родитель высказывает мысль о том, что биологические родители усыновленного ребенка – это «безответственные родители, поэтому необходимо законом ограничивать рождаемость в таких группах населения». Также среди этой группы усыновителей существенно меньше тех, кто считает, что «ради детей надо сделать все, чтобы помочь таким родителям» ($\varphi_{\text{эмп}} = 1,67$; $p < 0,05$). Помимо этого, усыновители с опытом воспитания биологического по сравнению с бездетными усыновителями существенно реже испытывают благодарность ($\varphi_{\text{эмп}} = 1,82$; $p < 0,05$) и чаще презрение ($\varphi_{\text{эмп}} = 2,04$; $p < 0,05$) к биологическим родителям своего усыновленного ребенка. Таким образом, в рассматриваемой нами группе семей ярко выражен негативный характер отношения к биологическим родителям проявляется не только на когнитивном, но и на эмоциональном уровне, а именно в более распространенном чувстве «презрения» к ним.

На этом фоне ранее уже отмеченная большая открытость информации об усыновлении в семьях с биологическими детьми (в 50 % семей) заставляет задуматься о том, насколько благоприятно для ребёнка происходит обсуждение этой информации, имеет ли ребёнок возможность выстраивать свою «двойную» идентичность в оптимальном для его развития ключе. Ведь если ребёнок знает о том, что он усыновлён – он в определённый момент заинтересуется и тем, кем были его биологические родители и каковы причины его разрыва с ними. Идентичность свою ребёнок в итоге будет выстраивать в зависимости не только от слов усыновителей, но и от эмоциональной окраски, от оценочного контекста этих слов.

В этой связи очевидна роль психологического сопровождения семей усыновителей, наличие или отсутствие возможности отработать свои эмоциональные реакции и когнитивные установки со специалистом. Эта работа начинается уже в период подготовки к усыновлению – и продолжается далее на всех этапах адаптации.

Интересно, что по данным исследования усыновители, имеющие биологических детей, чаще бездетных ранее семей наиболее высоко оценивают качество и значение психолого-педагогической подготовки к усыновлению ($\varphi_{\text{эмп}} = 1,64$; $p = 0,05$). Видимо, это связано с тем, что приходя к усыновлению, они имели определённые установки, основанные на личном опыте воспитания своих детей, надеялись на то, что это является их ресурсом и основанием прогнозировать успешную адаптацию. В процессе подготовки происходит пересмотр, ревизия имеющихся установок, многие «снимают розовые очки», приходит понимание специфики воспитания «несвоерождённого» ребёнка и трудностей, связанных именно с наличием в семье детей на момент усыновления. По результатам углублённой психологической диагностики мы увидели, что в подгруппах усыновителей, имеющих опыт воспитания детей и тех, кто такого опыта на момент усыновления не имел, значимые различия во взаимодействии между родителем и усыновлённым ребёнком отсутствуют. Следовательно, опыт воспитания своих детей нельзя считать ресурсом для воспитания усыновлённого, а по ряду параметров этот опыт, напротив, создаёт риски дезадаптационных процессов.

Таким образом, данные нашего исследования говорят о том, что усыновители, имеющие своих биологических детей – группа особого риска с точки зрения социально-психологической адаптации (и в особенности – её первичного этапа). Несоответствие реальных чувств усыновителей их ожидаемым эмоциям часто становится причиной внутреннего кризиса, душевного разлада усыновителей, падения их самооценки, разочарования, депрессии. При отсутствии поддержки и квалифицированной помощи такие случаи приводят семью к мыслям об отказе от усыновлённого ребёнка.

Литература

1. Большакова, Л.Н. Социально-психологическая адаптация родителей и детей в приёмной семье: дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Л.Н. Большакова. – Ярославль, 2004. – 236 л.
2. Захарова, Ж.А. Социально-педагогическое сопровождение процесса воспитания приёмного ребёнка в замещающей семье: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 19.00.07 / Ж.А. Захарова. – Кострома, 2009. – 24 л.
3. Исследование особенностей социально-психологической адаптации детей и родителей в семьях усыновителей с учетом типологии семей и разработка модели комплексного сопровождения семей усыновителей : отчет о НИР (заключ.) / Белгосуниверситет : рук. Ю. Ф. Лахвич. – Минск, 2014. – 281 с. – № ГР 20120801.
4. Лахвич, Ю.Ф. Психологическая диагностика адаптации детей и родителей к усыновлению : пособие для педагогов-психологов, педагогов социал. социал.-пед. учреждений, специалистов органов охраны детства управлений (отделов) образования, спорта и туризма / Ю.Ф. Лахвич, О.С. Головнева. – Минск : Нац. ин-т образования, 2015. – 464 с.
5. Лупекина, Е.А. Идентификация детей с родителями в приёмной семье : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Е.А. Лупекина. – Гомель, 2008. – 137 л.
6. Ослон, В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья / В.Н. Ослон. – М. : Генезис, 2006. – 366 с.
7. Палиева, Н.А. Психологические факторы эффективности замещающих семей/ Н.А. Палиева, Г.Н. Соломатина // Вопросы психологии. –2010. – №5. – С. 146-153.
8. Рожкова Н.Г. Самооценка жизненных перспектив детей-сирот в разных типах замещающих семей : дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Н.Г.Рожкова; – Ярославль, 2012. – 223 л.
9. Серова Е.В. Особенности страхов формирующейся личности в условиях замещающей семьи : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Е.В. Серова. – Москва, 2012 – 216 л.
10. Школьник Т.К. Индивидуальные особенности психофизиологических проявлений стрессорной реакции у подростков в полных, неполных и замещающих семьях : дис. ... канд. биол. наук : 03.03.01 / Т.К.Школьник. – Москва, 2011 – 99 л.
11. Япарова, О.Г. Социально-психологические детерминанты успешного приемного родительства : автореф. дис. ... канд. психол. наук / О.Г. Япарова.– М., 2009. – 25 с.
12. Brodzinsky, D.M. A stress and coping model of adoption adjustment / M.D. Brodzinsky // The psychology of adoption / ed.: D.M. Brodzinsky, D.M. Schechter. – New York, 1990. – P. 3–25.
13. Brodzinsky, D. The impact of family structure on the adjustment of adopted children / D. Brodzinsky, Anne B. Brodzinsky // Child Welfare. – 1992. – Vol. LXXI, № 1. – P. 69-76.
14. Brodzinsky, D.M. Long-term outcomes in adoption / D.M. Brodzinsky // The Future of Children. – 1993. – Vol. 3, № 1. – P. 153–166.
15. Brodzinsky, D.M. Children's knowledge of adoption: Developmental changes and implications for adjustment / D.M. Brodzinsky, D.E. Schechter, A.B. Brodzinsky // Thinking about the family: Views of parents and children / ed.: R. D. Ashmore and D. M. Brodzinsky. – Rev. ed. – New York: Psychology Press, 2014. – 314 p.

16. Hoopes, J. L. Prediction in Child Development: A Longitudinal Study of Adoptive and Nonadoptive Families / J. L. Hoopes. – New York: Child Welfare League of America, 1982. – 104 p.
17. Humphrey, M. The Adopted Child as a Fertility Charm / M. Humphrey // Journal of Reproduction and Fertility. – 1969. – Vol. 20, № 2. – P. 354-356.
18. Kaye, K. Acknowledgment and rejection of differences? / K. Kaye // The psychology of adoption / ed.: M.D. Brodzinsky, D.M. Schechter. – New York, 1990. – P. 121–144.
19. Kirk, H.D. Shared fate: a theory and method of adoptive relationships / H.D. Kirk. – Rev. ed. – Port Angeles : Ben-Simon Publ., 1984. – 203 p.
20. Kraus, J. Family Structure as a Factor in the Adjustment of Adopted Children / J. Kraus // British Journal of Social Work – 1978. – Vol. 8, № 3. – P. 327–337.
21. McWhinnie, A. M. Adopted Children, How They Grow Up: A Study of Their Adjustment as Adults / A.M. McWhinnie. – New York: Humanities Press, 1967. – 302p.
22. Temay, M. Perceived Child-Parent Relationships and Child Adjustment in Families with both Adopted and Natural Children / M. Temay, B. Wilbom, H. Day // Journal of Genetic Psychology. – 1985. – Vol. 146, № 2. – P. 261-272.